

ГРОЗНОЕ ВРЕМЯ

С приходом советской власти в России началась череда нескончаемых бедствий и мытарств. Вооруженные восстания и погромы, голод, эпидемии, гражданская война, экономический упадок и небывалая преступность – вот те социальные катаклизмы, коими сопровождалось становление советской власти. Только один 1917 год для многих людей ушедшей эпохи стал последним годом жизни. Одни внезапно умирали, не выдержав столь резкой перемены, других постигла насильственная смерть. Во всех уездах Пензенской губернии начались грабежи и погромы барских усадеб, жестокие расправы крестьян с помещиками и их семьями; принародные убийства солдатами своих генералов.

В Оленевке первой жертвой начавшейся смуты стал Андрей Никифорович Селиванов – человек так много сделавший для Оленевки и всего уезда, но по своему положению оказавшийся на острие тогдашних событий. Его монархический склад, его дворянское происхождение, наконец, вся его жизнь были несовместимы с духом наступавшего времени. И сегодня исследователь непременно задаст вопрос, почему же Селиванов не покинул губернию еще до

начала смуты, как это сделал Дехтерев? Ведь его средства и связи давали возможность легко скрыться из поля зрения: вместе с семьей, капиталом уехать в Москву, в Петербург, за границу, словом, куда угодно, лишь бы не быть жертвой революционной стихии. Но, видимо, не таков был Андрей Никифорович. Его неизменное положение хозяина не давало ему просто бежать, не давало в одночасье бросить свои труды и столь любимое им детище – Оленевку. Так скоро поменять всю жизнь, перестроиться из фигуры первого плана в положение беглеца было совершенно не в его силах. Не способствовали этому и его природное благородство и монархический дух. Как один из первых людей губернии он, конечно, знал о возможности близкой трагедии, но как верный сын старой России он, кажется, был готов и пострадать вместе с ней. Он до последнего не мог поверить в возможность революции, в его душе – душе христианина, русского офицера и патриота Отечества шла борьба между реалиями нависшей угрозы и надеждой на воскресение старой России. В этих думах и сомнениях, видимо, проходило все последнее время Андрея Никифоровича, пока, наконец, чудовищная красная волна не докатилась и до самой Оленевки. Селиванов слишком поздно осознал всю остроту ситуации. По воспоминаниям Александры Григорьевны Каюковой, только в 1917 году он начал распродавать лошадей, но было уже поздно. В это время Дехтерева уже давно не было, он все давно продал и скрылся неизвестно куда, оставив свой дом совершенно пустым.

Беспорядки начались уже летом 1917-го, когда возникли столкновения на оленевском конезаводе. Неизвестно, что именно произошло, но этим был обеспокоен Главный земельный комитет в Петрограде, который прислал в Пензу телеграмму о необходимости охранения конских заводов за подписью министра земледелия⁸⁹.

В ноябре уездный земельный комитет отстранил А. Н. Селиванова от распоряжения своим имением и произвел опись имущества. Из описи видно, насколько действительно богатым и мощным было хозяйство Селиванова. Здесь был прекрасный сад и несколько прудов, были многочисленные постройки, различные сельхозорудия и машины новейших моделей, последнее достижение техники – трактор, было множество голов крупного скота, овчарня, ледники, коляски, кареты, сани, богатая мебель в стиле модерн, иконы, цветник и дендрарий с экзотическими растениями. Всего 357 наименований⁹⁰.

На требование Андрея Никифоровича выдать ему копию постановления и указать основания к его отстранению, волостной земельный комитет ответил отказом, сославшись на распоряжение Пензенского уездкома. Поэтому 4 декабря этим вопросом занялся присяжный поверенный Селиванова Григорий Мартинович Грушец-

кий — один из лучших юристов Пензы⁹¹. Но в ситуации того времени даже его труды не могли иметь успеха. Более того, накануне, 22 ноября 1917 года в своем имении, в Посопшой Пелетьме Мокшанского уезда был зверски убит брат Григория Грушецкого Иван Мартинович со своей супругой Ольгой Аполлоновной⁹². Самому же Григорию Мартиновичу вместе с семьей удалось эмигрировать в Польшу, где он и скончался в 20-х годах.

3 декабря в Оленевку был выслан представитель от уземкома некто Т. Н. Тюрчев, которому было поручено разобрать дело, возникшее вокруг имения Селиванова, т. к. оно стало подвергаться расхищению, причем, как написано, — со стороны самого Селиванова. Прибыв на место, Тюрчев составил акт следующего содержания: «1917 года декабря 3 дня, я, член Пензенского Уездного Земельного Комитета Т. Н. Тюрчев командирован в с. Оленевку Пензенского уезда в имение А. Н. Селиванова для производства расследования по расхищению последним имущества. Прибыв на место, пригласив с собою Товарища Председателя Оленевского Волостного Земельного Комитета Н. Е. Михайлова, Председателя 2-й Оленевской Сельской Управы И. И. Гришяна, трое понятых гр. села Оленевки И. В. Гришина, управляющего имением И. А. Лездмача и милиционера Афанасьева составили настоящий акт о следующем: по доносам лиц имение Селиванова приходит к расхищению, продается владельцем Селивановым как мертвый и живой инвентарь, продаются постройки с/х значения. Из допроса как приглашенных при составлении сего акта лиц, так и жителей окружающих имение, изложенное выше подтвердилось действительностью. Принимая во внимание объяснение, настоящая Комиссия находит, чтобы не допустить дальнейшего расхищения имения и продажи имущества из последнего, имение Селиванова немедленно Губернскому Земельному Комитету надлежит принять в полное заведование, дабы этим избежать разрухи и сохранить ценности»⁹³.

5 декабря имение было взято в заведование Пензенским уездным земельным комитетом. Но в тот же день комитет получил телеграмму следующего содержания: «5 декабря в 12 часов ночи неизвестными лицами была попытка разгромить спиртовой склад Селиванова. Сделать не удалось. Председатель Маслов». Для охраны были высланы солдаты, но они сами занялись расхищением хлеба, так что Тюрчев просил удалить солдат. А 7 декабря с целью сохранения имения он предложил назначить туда комиссара.

Ситуация накалялась. 8 декабря в связи с телеграммой Маслова уземком обратился в акцизное управление и в губернскую земельную управу со следующим сообщением: «На винокуренном заводе при имении хранится спирт, причем делаются попытки к разгрому спир-

10

*Милостивый Государь,
Господин Маршалав!*

Первым Вашим ходом шло дело...
...и я...
...и я...
...и я...
...и я...

...и я...
...и я...
...и я...
...и я...
...и я...
...и я...
...и я...
...и я...

Сделана...
...и я...
...и я...
...и я...

Доверенность присяжному поверенному Грушегрому (ГАПО)

та. Признавая дальнейшее хранение спирта в имении недопустимым, земельная управа просит Губернское акцизное управление немедленно в экстренном порядке вывезти спирт из им[ения] С[еливанова], в противном случае спирт может быть расхищен». Однако в ответ на это губернский комитет дал неожиданное распоряжение – срочно уничтожить спирт.

В это время на первый план выходят более важные события. Губернию захлестнул революционный переворот. 6 – 7 декабря в Пензе на перевыборах в губернский совет большевики получили большинство, а 9 декабря председателем совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран присланный Лениным из Петрограда большевик В. В. Кураев. Ситуация в Оленевке тоже накалилась до крайности. Как раз в этот день в Оленевку приехал Андрей Никифорович. Он, видимо, не жил в имении, поскольку теперь оно ему не принадлежало. Приехав в родное село, он был встречен не как обычно. Ему не помогли спуститься с повозки, и никто не лобызал его рук. Мужики, встречая барина, здоровались с ним неуважительно, за руку.

– Ну что Андрей Никифорович, говорят, свобода наступила, – послышалось с насмешкой.

– Я тоже рад свободе, – с грустной иронией ответил Селиванов.

– Ну, пойдем, Андрей Никифорович, свободу праздновать.

Около церкви, где теперь стоит магазин, уже установили трибуну, кипели страсти, развевались лозунги. Особенно горячо были настроены мужики из Марьевки, которые приплы с красными знаменами и сразу направились к дому Селиванова. Андрея Никифоровича привели к трибуне, в лицо его полетели плевки, тычки, послышались ругательства. Он посинел, губы у него тряслись. Казалось, участь его была предрешена и закончилась бы неминуемой страшной смертью прямо здесь, в центре села, если бы не селивановские мужики, окружившие барина плотным кольцом. После всего случившегося Андрей Никифорович заложил тройку лошадей и помчался в Пензу, возможно, рассчитывая на помощь. Но доехать до города ему было не суждено. Благородное его сердце не выдержало. Андрей Никифорович скончался от грудной жабы по дороге в Пензу, куда бывшего предводителя губернского дворянства привезли уже без признаков жизни. Это случилось 9 декабря 1917 года.

12 декабря, на третий день после кончины Андрея Никифоровича, в нижнем храме Спасского кафедрального собора протоиереем Владимиром Лентовским в сослужении духовенства был совершен чин отпевания покойного. Храм был переполнен родственниками, друзьями, знакомыми и почитателями Андрея Никифоровича. Во время отпевания законоучитель 1-ой мужской гимназии произнес

слово, в котором подчеркнул великую доброту покойного, его простоту в обращении, несмотря на занимаемое положение. Было сказано также, что в свое время Андрей Никифорович был почетным попечителем 1-ой мужской гимназии, председателем попечительского комитета. А в последнее время он исполнял обязанности губернского предводителя дворянства. Андрей Никифорович Селиванов был с почестями похоронен в Пензе, в Троицком женском монастыре⁹⁴.

Троицкий монастырь (ИИМК)

Так умер человек, который в течение многих лет управлял уездом и волостью, поднял хозяйство губернии, давал работу крестьянам, всех кормил, всем благодетельствовал, Введенскую церковь обновил, оленевскому старцу покровительствовал. И так обошлись с ним люди, получившие от него все, обезумевшие по наветам врага рода человеческого. Благо, что послал Бог верных христиан, которые вывели его из толпы, и что Господь сокрыл от злых взоров его смертный час.

13 декабря в здании дворянского депутатского собрания по А. Н. Селиванову была совершена панихида, а 17 декабря на 9 день панихиды служили в самом женском монастыре. Мария Александровна сильно горевала по мужу, ведь Андрею Никифоровичу было всего 55 лет, без отца остались дети — Андрей и Мария. Кроме того, ситуация, сложившаяся в стране, не обещала им спокойного будущего. Из первых людей семья превратилась в последних скитальцев, людей совершенно

безправных. Тогда в Пензе видели сына покойного Селиванова – Андрея Андреевича и, говорят, «очень плохо ему было». Судьба дочери – Марии Андреевны неизвестна. А вот сама Мария Александровна, эта стойкая женщина, нашла в себе силы перенести выпавшие на ее долю скорби. В печати она выразила признательность всем тем, кто соблаговол по случаю безвременной кончины мужа. Мария Александровна еще не знала, что в следующем, 1918 году в Пензе будет расстрелян ее родной брат, мокшанский предводитель дворянства Николай Александрович Арашов. А в 1919 году в большом горе умрет их отец Арапов Александр Александрович.

13 декабря в ответ на просьбу Тюреева в имение был назначен комиссар. Им стал бывший управляющий имением Селиванова Иван Августович Лездмач. До революции его так и звали «Ванька-ключник», но вместе с тем и уважали. Тюреев, видимо, хорошо знавший Лездмача, отметил его как человека знакомого с этим делом, хорошего поведения, под судом и следствием не состоявшего, пользующегося доверием у населения. Да и само население, кроме него, не желало на эту должность никого другого. К слову, документ о назначении Лездмача был подписан, в том числе, двоюродным братом старца Иоанна Оленевского – Николаем Александровичем Калининым, состоявшим членом 2-го Оленевского общества.

Ситуация на винокуренном заводе становилась все более острой. На следующий день после назначения комиссара, в Оленевку прибыл член Совета солдатских депутатов Галкин, с приказанием спустить спирт в реку. Лездмач, как бывший управляющий имением Селиванова, человек бережливый и расчетливый, был обезкуражен таким приказом. Дело в том, что спиртовая индустрия была отраслью стратегической: спирт шел на нужды промышленности, народного хозяйства, медицины, использовался как компонент авиационного топлива, поступал в промышленность пищевую. Комиссар Лездмач это прекрасно знал, знал он и о том, что произойдет в селе при так называемом уничтожении спирта. Поэтому теперь как представитель советской власти он обращается в уездном с вопросом, неужели возможно уничтожение? Но получает ответ: действовать совместно с Галкиным.

Это событие вошло в историю села, помнят его и до сих пор. 16–18 декабря 1917 года в покрытую льдом реку Ардым был спущен заводской спирт. Жительница Оленевки Александра Григорьевна Каюкова так пишет об этих событиях: «У Селиванова был завод, построенный перед революцией. Строили немцы. Спирт высшего качества. В 18 или 19 году* наши умники ничего не придумали, как спустить спирт на

* Здесь Александра Григорьевна допускает неточность, спирт был спущен в реку в 1917 году, примерно 16–18 декабря.

лед зимой. И что тут было! Мне было 6 лет. Кто навсегда остался лежать у реки, кто поумнее, возили спирт бочками. Забивали все лошадиную колоду, в которой повли лошадей, после продавали. По всей волости началось небывалое пьянство, люди напивались до невменяемого состояния, несколько человек скончались. Так, 18 декабря в Коллопановке опился и умер Иван Павлович Мельников, 22 декабря в Соловцовке от язвы желудка – Иван Федорович Николаев, от язвы желудка скончался псаломщик соловцовской церкви, которым на 1916 год был Алексей Владимирович Владыкинский, 32-х лет. Далее, разграбив спирт, начали ломать и сам завод⁹⁵. Крестьяне из Коллопановки самовольно сняли 110 листов кровельного железа на покрытие своих домов. Сохранившиеся оборудование передали каменскому и колтовскому винозаводам. Тут же началась самовольная порубка казенного и частновладельческого леса⁹⁶. У Дехтерева срубили знаменитую рощу, бревна шили на пни, делали во дворах столы, сидения и тут же шили награбленный спирт.

В марте 1918 года комиссар Лездмач был вынужден требовать у начальства оружие. В заявлении он пишет: «Для сохранения имения и самозащиты себя в теперешнее тяжелое время на случай могущих быть эксцессов желательно иметь на руках револьвер. Почему я прошу Земельную коллегию снабдить меня револьвером с пулями. Марта 21 д. 1918 г. Комиссар имения И. Лездмач». Просьба была удовлетворена.

О судьбе имения Селиванова после его смерти пишет газета «Знамя» от 22 июля 1920 года: «Как подавляющее большинство помещичьих владений, имение Селиванова в Оленевке подверглось расхищению в бурно-бешеные дни революции. По избенкам (а оттуда Бог весть куда) распозлились высокохудожественные статуи и картины, не говоря уже о саксонском фарфоре и выдержанной в стиле модерн мебели). Совестьливые старики стыдили молодежь, расхищавшую барское добро. В первых рядах грабителей оказался барский садовник Прокофий Тимофеевич Андрианов, к которому попали какие-то семейные реликвии Селивановых. Рассказывали, что Мария Александровна Селиванова приезжала в Оленевку, ходила по людям, искала свои вещи, и многое ей удалось вернуть. По словам других, она «как нищенка побиралась и многие подавали ей»⁹⁷.

О дальнейшей судьбе Марии Александровны известно, что в 1920 году она работала в Зем Горы (вероятно, земельном городском управлении). С 17 ноября 1921 по 20 сентября 1926 года – учителем английского языка в Пензенской 1-ой школе 1 и 2 ступеней им. Белинского⁹⁸, больше известной как 1-я мужская гимназия на Дворянской. Та самая гимназия, попечителем которой был Андрей Никифорович. Одновременно Мария Александровна преподавала и в школе Сызра-

но-Вяземской железной дороги. В составе семьи М. А. Селивановой в 1926 год указана только ее 14-летняя дочь Мария. Сын Андрей не упоминается, он умер 27 июля 1923 года и похоронен на кладбище Троицкого монастыря, рядом с отцом. В последние годы жизни Андрей учился в 1-ой школе им. Белинского, где преподавала его мать.

Преподаватели Трудовой школы им. Белинского. Пенза. 1926 г.

После смерти супруга Мария Александровна встала на путь благочестивого вдовства. Она состояла в обществе сестер милосердия при Митрофановской церкви г. Пензы, под руководством известного священника Николая Пульхритудова. Пензенское сестричество было создано по примеру общества, основанного великой княгиней Елизаветой Федоровной в Марфо-Мариинской обители. Сведения о его деятельности содержатся в некоторых следственных делах ОГПУ. В частности, в протоколе допроса протоиерея Николая Касаткина говорится следующее: «Пульхритудов Николай рукоположен в иереи в 1919 – 1920 гг. Начал сразу активную деятельность. Создал монархическую организацию «церковных сестер белоповозочниц». Создал курсы, на которых разбиралось священное писание, происходило церковное пение. Этим сестричеством одно время руководил Николай Федорович Прозоров, активный последователь Дмитрия Гдовского*». Прозоров уехал в Ленинград к Дмитрию Гдовскому и

* Дмитрий Любимов, епископ Гдовский, викарий Ленинградской епархии.

Варвара Алексеевна Николаева

Варвара Алексеевна Аксёнова

Священник Николай Пульхридов

там расстрелян. В этом сестричестве состояли Попова Елена Григорьевна из семьи ж. д. служащего, Минейкина – монастырская воспитанница, Победимцевы Зинаида и Елена Владимировны из семьи торгового служащего, Селиванова – жена помещика. Гоноровская – жена полицмейстера, Варвара Алексеевна Николаева. Аксёнова Варвара Алексеевна – бывшая начальница спархияльного училища. Часть сестричества группировалась вокруг Всесвятской церкви»⁹⁹.

Сестричество при Митрофановской церкви существовало, видимо, до конца 20-х гг, поскольку в 1928 году духовный руководитель общества отец Николай Пульхритудов и другие его члены были арестованы. В вину отцу Николаю вменялось создание «незаконной организации «сестричество», преследующего целью внедрение религиозного фанатизма в несознательные массы, поддержание старых устоев. В состав организации входили около 100 человек: бывшие дворянки, торговки под видом ухода за храмами и их украшениями. Среди них были введены особые правила: ношение белых косынок «апостольников», внесение членских взносов, которые частично шли на оказание помощи самому священнику, а также и административно-высланным священнослужителям, именование друг друга сестрами и братьями»¹⁰⁰.

Жизнь благочестивой вдовы Марии Александровны Селивановой была схожа с жизнью и подвигами великой княгини Елизаветы Федоровны. Не исключено, что она была арестована вместе с отцом Николаем и другими членами общества. Где и как закончился земной путь этой подвижницы, пока остается неизвестным.

Но вернемся в Оленевку. Несмотря на разграбление имения, в целом оно было сохранено и заслуга в этом принадлежит комиссару Лездмачу. Все это время его политика была направлена на сохранение имения, его рациональное использование, хотя в тех условиях это было задачей чрезвычайно сложной. Наряду с непрекращающимся воровством, в адрес комиссара со всех сторон сыпались просьбы поделить часть селивановского имущества. Так граждане Оленевки и Колопановки просили разделить имущество среди населения и солдат, пришедших с войны. Губернское земство претендовало на с/х инвентарь для его раздачи среди населения губернии. Отдел городских земель имел виды на трактор из имения Селиванова. Оленевский совет по народному образованию просил выделить дом Селиванова под девятиклассную школу. Народный судья 4-го участка Пензенского уезда просил мебель. Соловцовско-Оленевское культурно-просветительное общество ходатайствовало о предоставлении ему зданий бывшего имения Селиванова для постройки народного дома и мягкую мебель для постановки спектаклей. Несомненно, при удовлетворении всех этих просьб от имения ничего бы

не осталось. Однако большинство просьб Лездмачем и земельным комитетом были отклонены. Уступки делались лишь для крестьян 2-го сельскохозяйственного общества.

А не идти на уступки было нельзя, потому что наступили новые испытания, которые навсегда отпечатались в памяти старожилов Оленевки. Александра Григорьевна Каюкова вспоминала о том времени спустя 80 лет. «Гражданская война и неурожай. – Пишет она в своих письмах. – Не стало мыла, спичек, керосина, соли, сахару. Начался тиф и динга. Мама нам с сестренкой очастила по морковке. Не догадалась потерять на терке. Мы ее не могли откусить: по ней текла кровь. Сплошная вопь – в каждом доме больные тифом, хоронили по несколько человек в день. У меня умерли самые дорогие: дедушка, мамин отец, а потом мама. К похоронам так привыкла детвора – бегали на поминки со своими ложками. И однажды утром мой ровесник Ваня Редькин объявил: «У нас тоже будут поминки – умер отец». Это наше страшное детство до школы».

В октябре 1918 года Иван Августович Лездмач забрал свои документы из уземотдела и с должности комиссара уволился. Задача была выполнена, и теперь в должности комиссара не было нужды. На базе имения создавался совхоз. О самом Иване Лездмаче, его выдающейся роли в советской истории Оленевки будет сказано ниже. Совхоз под его председательством станет одним из лучших советских хозяйств в истории Пензенского края.

Современником тех событий был и святой старец Иоанн Оленевский. Думается, он с особой болью переживал происходящее, многих удерживал от безумных поступков, проводил время в посте и молитве о поруганном нашем Отечестве. Но старец был не только свидетелем происходившего, горькая чаша не обошла стороной и его самого. В годы революции, этой всеобщей антихристианской стихии, враг рода человеческого жестоко ополчался на праведника. В 1918 гт., вскоре после разгрома винокуренного завода, в сильном пожаре сгорела келья Ивана Васильевича. Стояла она, как помним, недалеко от церкви и была построена еще дедушкой Иоанна Оленевского Иваном Емельяновичем для своей дочери Ксении. Обстоятельства пожара были следующими. Между церковью и кельей старца находилось несколько домов волостного правления. После разграбления винзавода члены волости стали ходить по селу, изымать спирт. После очередного сбора, члены правления напились, и начался шумный кутеж. В пьяной неразберихе в одном из домов вдруг всыхнул пожар и чetyре дома волостного правления занялись огнем. Полностью выгорел и стоявший рядом дом Калининых, но его домочадцы – старец с

племянницами Марфой и Татьяной остались живы. События первых лет советской власти стали для Ивана Васильевича как бы предзнаменованием дальнейшего крестного пути.

В той части Оленевки, что звалась Дегтерёвкой, у оврага, жили представители одной

Старец Иоанн Калинин.

из самых распространенных оленевских фамилий – Агненины. Рядом с ними стоял дом, который принадлежал крестьянину Редькину. Житель Оленевки Егор Алексеевич Агненин рассказывал, что дом этот был вроде постоялого и «кто там только не жил». В этом-то доме и пришлось на время поселиться погорельцам – Ивану Васильевичу Калининну с Марфой и Татьяной. Но прожили они там недолго. Вскоре многочисленные почитатели дяди Ивана, как его называли в селе, отстроили избушку заново. Новая изба встала на прежнем месте и была лучше старой. Это был «просторный флигелек под железной крышей». Нужно отметить, что в те времена в Оленевке, как и в любом другом селе, большинство крестьянских домов были покрыты соломой, а железную кровлю

имели лишь немногие состоятельные люди. Но дом отца Иоанна сельчане покрыли железом, что говорит о большом уважении к старцу, ведь он был беден и дом строили, как говорится, миром-собором. Егор Алексеевич еще мальчиком часто ходил к старцу в эту избушку и всегда получал от него угощения.

То время было тяжелым для всех и, в первую очередь, для духовенства и верующих. Власти упорно проводили политику по отделению Церкви от государства, по всей стране прокатились смертоносные акции красного террора; в Пензе, как нигде, бушевала обновленческая смута под началом Путяты. Но дух времени и первые шаги богоборческой власти несколько не поколебали веры оленевского подвижника: именно в это время и началось служение Ивана Васильевича Калининна в духовном сане. В 1920 году он восприял благодать диакона от рук известного поборника православия, святого мученика архиепископа Пензенского и Саранского Иоанна (Поммера). Рукоположение совершилось в Пензенском Спасо-Пре-

КУЗЬМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Пензенский Спасо-Преображенский монастырь

Епископ Иоанн Поммер. 1917 г.

ображенском монастыре, где была резиденция Владыки Иоанна. Там же диакон Иоанн и служил первое время, видимо, проходил сорокоуст. Это событие было весьма знаменательно, ведь Владыка Иоанн был символом святого мученичества, символом самоотвержения и борьбы за права Церкви.

Святитель Тихон

События, происходившие в Оленевке в 1917 – 1918 годах, стали отражением небывалой трагедии всей России.

Устранив обываческое духовенство, он поставил преданных Церкви священнослужителей тихоновского направления, одним из которых был Иван Васильевич Калинин. Как бы исполнив благословение Владыки-мученика, отцу Иоанну предстояло в сане диакона пережить самые страшные годы советских гонений, оставаясь верным Богу до конца. Об этом времени старец впоследствии кратко напишет: «В 1920 году был рукоположен Архиепископом Иоанном в сан диакона и служил по добровольному желанию в храме с. Оленевки и Солосцовки, Кондольского района, не по назначению, не в штате до 1936 года»¹⁰¹.